Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 14, Is. 3, pp. 635–648, 2021
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

УДК / UDC 821
DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-635-648

История и поэтика карачаево-балкарской загадки

Бурхан Абуюсуфович Берберов[1]

[1] Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН (д. 18, ул. Пушкина, 360000 Нальчик, Российская Федерация)
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором карачаево-балкарского фольклора
0000-0001-5417-8144. E-mail: burhan_berberov@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021
© Берберов Б. А., 2021

Аннотация. *Введение*. Жанр загадки, отражающий миропонимание народа, широко представлен в карачаево-балкарском фольклоре. Однако собранный за десятилетия богатейший художественный материал до сих пор не получил научного осмысления. *Цель* исследования — с опорой на труды ведущих зарубежных и отечественных теоретиков идентифицировать историю и поэтику карачаево-балкарской загадки. Для достижения поставленной цели решены следующие задачи: определение социокультурных предпосылок появления жанра загадки в национальном фольклоре, описание пяти основных проблемно-тематических кругов, изучение ключевых структурных формул карачаево-балкарской загадки и выявление ее экспрессивных средств. *Материалы и методы*. В качестве материала исследования выступают загадки, опубликованные в официальных источниках, в том числе дореволюционных. В работе использовались сравнительно-исторический, системно-структурный, семиотический, текстологический, аналитический методы исследования. *Результаты*. Карачаево-балкарская загадка является двухполюсной художественной субкультурой, одна сторона которой обращена к архетипическому инварианту, а вторая — к национальной вариативности, продиктованной историческими и географическими условиями, ландшафтом северокавказского региона, условиями жизни, культурными традициями горцев. В загадках процесс концептуализации мира осуществляется посредством пяти основных онтологических концептосфер: антропоцентрическая, этнокультурная, природная, космогоническая, ментально-этическая. Выборку образов чаще всего определяют этнически маркированные предметы. Отличительными чертами карачаево-балкарской загадки являются интенция к рифмованным стихотворным формам, использование сказовых формул, имен собственных, а также богатство экспрессивных средств (метафора, сравнение, аллитерация, антитеза, сарказм, юмор). Загадки обладают большим воспитательным потенциалом. *Выводы*. Проведенный анализ карачаево-балкарских загадок позволил выявить особенности концептуализации мира, свойственные северокавказским горцам, а также их ценностную картину в материальном и духовном измерениях.

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор, загадка, табу, концептуализация мира, этнокультура, тематический круг, антропоцентризм, микропоэтика, просветительский потенциал
Для цитирования: Берберов Б. А. История и поэтика карачаево-балкарской загадки // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 3. С. 635–648. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-635-648

History and Poetics of the Karachay-Balkarian Riddle

Burkhan A. Berberov [1]

[1] Research Institute for Social Sciences and Humanities of the Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS (18, Pushkin St., 360000 Nalchik, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate, Head of Sector of Karachay-Balkar folklore
0000-0001-5417-8144. E-mail: burhan_berberov@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021
© Berberov B. A., 2021

Abstract. *Introduction.* The riddle which reflects the world outlook of the people is a popular genre in the Karachay-Balkar folklore. However, the richest materials collected over decades have not been studied so far. The present study *aims at* examining the history and poetics of the Karachay-Balkar riddle drawing on the works of leading foreign and Russian theorists. This has involved i) the discussion of the socio-cultural factors that were conducive to the emergence of the genre, ii) the description of the five principal thematic circles, iii) the analysis of the key structural formulas of the Karachay-Balkar riddle, and iv) the description of the expressive language of the puzzle. *Data and research methods*. Academic collections, including pre-revolutionary sources, were used as the database for the research, which involved comparative-historical, system-structural, semiotic, textological, and analytical methods. *Results.* The Karachay-Balkar puzzle may be seen as a bilateral artistic subculture, with one side facing the archetypal invariant, and the other characterized by variability, granted the historical and geographical contexts, the landscape of the North Caucasus, the life, and the culture of the highlanders. The conceptualization of the world in riddles involves five main ontological conceptual spheres: anthropocentric, ethnocultural, natural, cosmogonic, mental, and ethical. The riddle images are most often associated with ethnically marked objects. The distinct character of the Karachay-Balkar riddle is due to frequent use of rhymed poetic forms, verse formulas, proper names, as well as to a wealth of their expressive devices (metaphor, comparison, alliteration, antithesis, sarcasm, and humor). Also, the riddles have a great pedagogical potentiality. *Conclusions*. The analysis of the Karachay-Balkar riddles resulted in identifying the distinct features in the conceptualizations of the world by the North Caucasian highlanders, as well as in drawing a picture of their values in the material and spiritual spheres.
Keywords: Karachay-Balkar folklore, riddle, taboos, conceptualization of the world, ethnoculture, thematic circle, anthropocentrism, micropoetics, pedagogical potentiality
For citation: Berberov B. A. History and Poetics of the Karachay-Balkarian Riddle. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (3): 635–648. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-635-648

Введение

Мир полон тайн, которые волнуют каждого сознательного человека. Одним из самых действенных способов их раскрыть является загадка — древнейший фольклорный жанр, корни которого уходят к первобытнообщинной эпохе, а именно к охотничьим традициям. Согласно «Литературной

энциклопедии терминов и понятий», загадка — «фольклорный жанр малой формы, известный у всех народов» [Литературная энциклопедия 2003: 272]. Здесь же указывается на то, что основу «загадочного комплекса» составляет иносказание или метафора, и приводится интересное хрестоматийное определение Аристотеля, который называл загадку «хорошо составленной метафорой» [Литературная энциклопедия 2003: 272].

Следует сказать о том, что на сегодняшний день наука о фольклоре дала теоретически и практически аргументированные ответы на многие актуальные вопросы, связанные с жанровыми границами загадки, ее генезисом, принципами классификации, а также логически обусловленными структурными компонентами «загадочного» микротекста и т. д. В основном эти вопросы освещаются в трудах таких авторитетных зарубежных и отечественных авторов, как: [Фрэзер 1980; Аникин, Круглов 1983; Топоров 1994; Мелетинский 1995; Цивьян 1994; Селеева 2014].

На наш взгляд, следующим этапом является изучение этнической вариативности загадки, выявление ее жанрово-стилистических особенностей, предопределенных явлениями исторического, географического этнокультурного порядка.

Начало сбору карачаево-балкарских загадок было положено венгерским ученым В. Прёле, который в 1916 г. в журнале «Keleti Szemle» опубликовал несколько «верхнебалкарских» загадок [Карачаево-балкарский фольклор 1983: 377].

Дело венгерского ученого продолжила лингвистическая экспедиция Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института, организованная летом 1939 г. в Черекское, Хуламо-Безенгийское, Баксанское и Чегемское ущелья. Участниками экспедиции В. И. Филоненко, В. П. Сухотиным, Я. И. Фроловым, А. М. Аппаевым, Ю. Либединским, В. Козиным был собран богатый фольклорный материал, частично опубликованный в «Материалах и исследованиях по балкарской диалектологии, лексике и фольклору» [Материалы 1962].

Заметным вкладом в национальную фольклористику стал сборник «Къарачай халкъны эл берген джомакълары» ‘Карачаевские народные загадки’ [Алиев 1984]. Специализированные разделы, посвященные загадкам, имеются также в сборниках: «Къарачай-малкъар фольклор» ‘Карачаево-балкарский фольклор’ [Къарачай-малкъар фольклор 1996]; «Алгъышла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле» ‘Пожелания, легенды о нартах, сказки, песни, загадки’ [Алгъышла 1997]; «Къарачай-малкъар ойберле бла элберле» ‘Карачаево-балкарские притчи и загадки’ [Къарачай-малкъар ойберле 2010]; «Загадки народов Карачаево-Черкесии» [Загадки народов 2011].

Весь этот богатый фольклорный материал пока не подвергался комплексному научному исследованию. Все авторы ограничиваются краткой ознакомительной информацией во вступительных статьях к сборникам загадок. В такой же лаконичной форме дана характеристика национальным загадкам в «Очерках истории карачаевской литературы» [Караева 1966: 23], «Очерках истории балкарской литературы» [Очерки истории 1981: 31].

Основной *целью* данной статьи является исследование поэтики карачаево-балкарской загадки в тесной соотнесенности с вопросами национальной истории и культурных традиций.

Материалы и методы

В качестве материала исследования выступает сборник карачаево-балкарских загадок «Къарачай халкъны эл берген джомакълары» [Алиев 1984], а также соответствующие разделы в сборниках [Къарачай-малкъар фольклор 1996; Алгъышла 1997; Загадки народов 2011], на основе которых рассматривается поэтика загадки в ее северокавказском преломлении. Для этого в работе применялись сравнительно-исторический, системно-структурный, семиотический, текстологический, аналитический методы исследования.

Концептуализация мира в загадках

1. Исторический экскурс

Древний человек, помещенный в систему двоемирия, слепо верил в существование злых, низших сил, способных помешать ему в осуществлении своих жизнеобеспечивающих замыслов при строительстве хижины, изготовлений орудий труда, рождении ребенка, на охоте и т. д. В этих условиях для него важно было «не проговориться», «не выдать тайну», держать в секрете сакральную для него информацию. Оттого в диало-

ге с соплеменником он был вынужден прибегнуть к иносказательной речи. Ключевым словом «табу» происхождение жанра загадки объясняет Дж. Фрэзер, который убежден, что первобытный человек не был в состоянии проводить четкое различие между словами и вещами [Фрэзер 1980: 277].

В своей энциклопедической книге «Золотая ветвь» шотландский ученый приводит многочисленные примеры табуирования единиц предметного мира — табу на железо, оружие, растения, животных, местность, имена собственные, болезни и т. д. Запрет на произношение целого пласта слов приводил к зарождению «языка в языке» [Фрэзер 1980: 283]. Таким образом, речь архаичного человека состояла из двух «словарей» — нормативно-канонического и заместительно-функционирующего, целиком состоящего из придуманных слов, призванных завуалировать табуированный объект номинации.

Естественно, наличие в этнокультуре двух постоянно действующих «языков» вынуждало каждого члена общины быть вечным «переводчиком» с тайного, метафорического языка на общеупотребительный и наоборот. Из скрещения этих двух «языков» зародился жанр загадки, который постепенно трансформировался в особый вид художественного творчества. Старинные иносказательные номинации объектов мироздания, перифразы, эвфемизмы народной фантазией имели свойство разворачиваться в описания предметов и явлений живой действительности. Целеустановкой жанра загадки стало испытание человека на догадливость, наблюдательность, способность раскодировать зашифрованную информацию путем логических корреляций. Следует взять на заметку и этимологию слова «загадка» у славянских народов: слово образовано от глагола «гадати», что означает «говорить», «думать», «рассуждать» [Аникин, Круглов 1983: 106].

История карачаево-балкарской загадки типологически сходна с универсальной историей, описанной ведущими специалистами мирового фольклора. В монографии М. Джуртубаева в разделе «Табу» приводятся многочисленные магические запреты, связанные с охотничьим промыслом, с произношением названий определенных предметов, животных, болезней, имен родственников. Балкарский ученый пишет: «Магические запреты, как и другие виды магии, представляют собой основанные на иллюзии способы взаимодействия первобытного человека с действительными и воображаемыми силами, чья мощь во много раз превышала его собственные. Вводя табу, человек как бы ограждал себя от непознанного, полного опасностей мира невидимой стеной. Эти опасности мыслились им как нечто всегда готовое обрушиться на его голову, стоит только нарушить одно из бесчисленных табу, открыть брешь в этой невидимой стене» [Джуртубаев 1991: 22].

2. *Загадка и джаз тил.* В карачаево-балкарском языке имеется специальный термин *джаз тил*, с помощью которого обозначается факультативный, альтернативный, иносказательный язык, способствующий сокрытию истинных наименований табуированных объектов мироздания. Обозначая какой-либо предмет, безымянные авторы загадок на передний план выдвигали лишь один его признак, прибегали к перифразам. Самый яркий тому пример — слово *акъ* ‘белый’, которым до сегодняшнего дня карачаевцы и балкарцы продолжают именовать молоко и молочные продукты. По словам нашего информатора Д. Тебуева (1930 г. р.), до недавнего времени обиходным было и производное слово *акъчы*, обозначающее профессиональную деятельность человека, занимавшегося производством молочных продуктов, — молочник, маслодел, сыродел и др. [ПМА 2018].

По законам *джаз тил* карачаево-балкарец лису может иносказательно назвать не *тюлкю*, а *хыйлачы* ‘хитрая’, волка — не *бёрю*, а *жанлы* ‘одушевленный’, кошку — не *киштик*, а *ырнык* ‘когтистый’. Из соображений «не накликать беду» в народе любое инфекционное, смертельно опасное заболевание именуется эвфемизмом *аман ауруу* ‘плохая болезнь’, хотя в официальном языке имеются слова, обозначающие оспу, холеру, чуму и т. п. Естественно, *джаз тил* с его потенциалом скрывать информацию стал основным генератором для появления жанра загадки в карачаево-балкарском фольклоре.

Другой, не менее продуктивной, предпосылкой в этом плане стала внутренняя тяга северокавказских горцев, как и других народов, к метафоризации предметов

окружающего мира. Приведем несколько характерных примеров: «радуга» — *Тейри къылыч* ‘Божий меч’, «эхо» — *къая къызы* ‘дочь скалы’, «божья коровка» — *татлы-хан* ‘сладкий король’.

М. Джуртубаев справедливо считает, что «астральная мифология у предков балкарцев и карачаевцев была хорошо разработанной» [Джуртубаев 1991: 137] и приводит несколько интересных примеров: *Ёксюзле жулдузу* ‘Звезда Сирот’, *Уллу Жилян* ‘Большая Змея’, *Гитче Жилян* ‘Малая Змея’, *Суу Жилян* ‘Речная Змея’, *Сюрюучю жулдуз* ‘Звезда — Пастух’ [Джуртубаев 1991: 138].

Само слово «загадка» в карачаево-балкарском языке выражено метафорическим термином *элберле*, что в буквальном переводе означает «то, за что дают селения». В столь причудливом названии нашла отражение концепция интеллектуальной игры-состязания, где загадывающий в случае поражения игроков может заработать себе очки в виде выигранных им «сёл и городов». Приблизительный сценарий народной игры «умников и умниц» приводится в одном из фольклорных сборников, предназначенных для студентов педколледжа [Алгъышла 1997].

Общей методологической установкой поединка между ведущим и участником является девиз: *Мен айтайым шартын, сен айтаса атын* ‘Я назову признаки, а ты угадай имя’ [Алгъышла 1997: 19]. Далее озвучивается текст загадки: *Аны кишиде иши жокъ, аны тюртмеген киши жокъ* ‘Ему ни до кого нет дела, но каждый его толкает’ [Алгъышла 1997: 19]. Участники думают, гадают, отгадать не могут, и тогда один из самых нетерпеливых и любознательных участников «сдается» со словами «Пусть Жемтала будет твоей, скажи ответ!». Игра есть игра, вследствие чего ведущий сначала произносит соответствующую прибаутку, а затем называет искомый предмет: *Жемтала мени болсун, хатасы кери болсун, адамы къазагъым-къулум болсун, элберни жууабы уа «эшикди»* ‘Пусть Жемтала будет моей, пусть беды будут вдали, пусть жители станут моими подданными, а ответом к загадке являются «двери»’ [Алгъышла 1997: 19].

Нетрудно заметить, что режиссура народной «загадки-отгадки» по зрелищности, наличию «призового фонда», статусу ведущего, мозговому штурму участников напоминает современные интеллектуальные игры типа «Что? Где? Когда?», «Умники и умницы», «Кто хочет стать миллионером».

В мировой фольклористике сложилась традиция системного изучения национальных загадок с разделением всего материала на разные тематические группы. Как один из удачных образцов можно расценивать рубрикацию русских сказок, составленную по принципу «от частного — к общему» и включающую в себя такие основополагающие понятия, как «человек», «жилище», «земледелие», «животные», «природа» [Аникин, Круглов 1983: 106].

Мы поддерживаем целесообразность выявления «тематических кругов» в изучении загадок, но хотели бы отметить необходимость учета и этнического фактора, который может внести определенные коррективы в идентификацию онтологических кругов.

Из сказанного нами следует, что при выстраивании тематических кругов карачаево-балкарской загадки закономерно появление неких акцентов, обусловленных явлениями ландшафта, климата, национальной истории, особенностями духовной и материальной культуры. Акценты такого рода философ Г. Д. Гачев называет «национальным Космо-Психо-Логосом» [Гачев 2003: 34]. Следует взять на заметку и высказывание Е. М. Мелетинского о том, что «подобно мифу, загадка — это средство концептуализации мира» [Мелетинский 1995: 325].

В ходе работы нами всего было исследовано более 1 500 загадочных микротекстов. Арифметический подсчет показал, что наибольший удельный вес среди них занимают загадки, связанные с телесностью человека: метафоризированы и зашифрованы в загадках соматические термины «голова», «глаза», «брови», «ресницы», «лоб», «язык», «зубы», «волосы». Следующий круг — одежда человека, как правило, этнически маркированная и детализированная с включением в систему многих элементов, вплоть до «пуговиц». Такого рода антропоцентрический перекос объясняется тем, что человек постижение универсума, как правило, начинает с самого себя, со своего микромира, постепенно добавляя в личностный контекст следующие по отдаленности от него бытийные круги — природный (земледельческий,

скотоводческий), космогонический. Более поздние напластования — загадки, связанные с духовно-нравственной практикой, просвещением, творческой деятельностью, артефактами цивилизации.

Возвращаясь к вопросу о доминирующем характере антропоцентричных загадок, следует объяснить, что их повышенный количественный состав объясняется не только врожденной тягой человека к самопостижению, но и серверными функциями соматических элементов человеческого организма. На самом деле понятиями «глаза», «нос», «руки», «ноги», «спина», «пояс» определяются не только анатомические особенности homo sapiens, но и структурные компоненты предметов домашнего обихода, природных объектов, космических тел. Другими словами, на долю соматических лексических единиц в загадках выпадает двойная роль: они выступают в прямом значении — как определяемые, искомые слова, и в переносном — как определяющие — для того, чтобы метафорически завуалировать тот или иной предмет. Далее по порядку рассмотрим несколько тематических кругов карачаево-балкарской загадки.

3. *Антропоцентрический круг.* Логичным и закономерным считаем помещение в центр данного круга загадки, в которой содержится личное местоимение *мен* ‘я’, выражающее высокий уровень самоосмысления человека:

Иеси — мен,
Жюрютген — эл.
(Адам ат)

Хозяин этому — я,
Но пользуется общество.
(Имя)
(Подстр. пер. авт. статьи)
[Алгъышла 1997: 280]

Отгадкой является «имя человека». Воспитательный потенциал подобной загадки заключается в формировании у подрастающего поколения диалектического воззрения на гражданина, который одновременно является «самим собой» и в то же время принадлежит социуму.

Приведем еще несколько характерных пословиц из антропоцентрической серии.

Бир тёбеде — джети тешик.
(Баш, аны юсюнде: кёзле, къулакъла, бурун тешикле, ауз)

На одном холме — семь отверстий.
(Лицо, на нём: глаза, уши, ноздри, рот)
(Пер. Р. А.-К. Ортабаевой)
[Загадки народов 2011: 100]

Следующая «соматическая» загадка рассчитана на системное мышление отгадчика, который должен в единую панораму соединить весь комплекс описываемых предметов (борода, рот, нос, глаза, брови, лоб, волосы):

Эм тюбюнде — чыккачыкъ,
Аны башында — эл ашагъан эмеген,
Аны башында — эки муш-муш токълу,
Аны башында — эки жаннган жулдуз,
Аны башында — эки къара къундуз,
Аны башында — деппан талачыкъ,
Аны башында — къалын биченлик.
(Сакъал, ауз, бурун, кёзле, къашла, мангылай, чач)

В самом низу — холмик,
А выше — эмеген (чудовище), пожирающий селения,
А выше — два сопящих ягненка,
А выше — две горящие звезды,
А выше — два черных бобра,
А выше — бугристая поляна,
А выше — густая трава для покоса.
(Борода, рот, нос, глаза, брови, лоб, волосы)
(Подстр. пер. авт. статьи)
[Къарачай-малкъар фольклор 1996: 487]

В отдельных случаях составители загадок зашифрованное имя предмета целиком могут спрятать под облик человека. Вот один из таких примеров:

Сырт юсюнде — акъ бийче.
(Акъланнган оджакъ)

На плоскогорье — белая княжна.
(Побелённая печная труба)
(Пер. Р. А.-К. Ортабаевой)
[Загадки народов 2011: 116]

Здесь же приведем примеры серверной функциональной роли соматических единиц для характеристики деревьев:

Бети — акъ,
Чачы — бурма.
(Къайын терек)

Лицо белое,
Волосы — кудрявые.
(Береза)
(Пер. Р. А.-К. Ортабаевой)
[Загадки народов 2011: 91]

Бели — узун,
Чачы — къысха.
(Наз терек)

Талия — длинная,
Волосы — короткие.
(Пихта)
(Пер. Р. А.-К. Ортабаевой)
[Загадки народов 2011: 91]

В антропоцентрических загадках нередко описывается целое театральное действо, где в качестве персонажей выступают части человеческого тела.

Отуз адам тирмен тарта,
Джангыз адам баугъа ата.
(Тишле бла тил)

Тридцать человек молотят,
А один в чулан бросает.
(Зубы и язык)
(Пер. Р. А.-К. Ортабаевой)
[Загадки народов 2011: 115]

Нередки случаи, когда рассказчик сам перевоплощается в субъект загадки и от его имени ведет повествование, предлагая слушателям отгадать как имя актанта, так и описываемый процесс. Вот один из характерных примеров:

Не айтайым,
Не айтайым.
Кёк тайчыкъгъа минейим,
Кёб джылкъыны сюрейим.
(Баш джюлюген)

Что мне сказать,
Что мне сказать,
Дай-ка я сяду на серого жеребёнка
Да погоню большой табун.
(Бритьё головы)
(Пер. Р. А.-К. Ортабаевой)
[Загадки народов 2011: 112–113]

4. *Этнокультурный круг.* В него включаются загадки с тематикой о материальной культуре горцев, включая одежду, жилище, домашнее хозяйство, инструменты земледельческого и животноводческого труда. При этом легко прослеживается эволюция артефактов, попадающих в текстовое пространство национальных загадок. В самых ранних микросистемах речь идет о таких архаичных предметах, как ножная деревян-

ная молотилка для зерна (*кели*), веретено, казан над открытым костром, войлочные ковры. В более поздних же объектами шифровки выступают такие инновационные продукты цивилизации, как очки, книга, деньги, радио, карандаши, самовар, телефон, телевизор, экскаватор, самолёт. Приведем несколько примеров, отражающих динамическое движение предметного мира в карачаево-балкарских загадках.

Къара ийнекни тюбюнде –
къызыл бузоу.

(Чоюн тюбюнде от)

Под чёрной коровой —
красный телёнок.

(Огонь под котлом)

(Пер. Р. А.-К. Ортабаевой)
[Загадки народов 2011: 108]

В следующей загадке обращает на себя внимание весьма удачное сравнение чернильной ручки с шестым пальцем человека:

Алтынчы бармакъчыгъым
Мерекеден тояды,
Аллымдагъы дефтерде
Жолун, ызын къояды.

(Къалам)

Мой шестой пальчик
Напивается чернил,
И в моей тетради
Дорогу, след оставляет.

(Ручка)

(Подстр. пер. авт. статьи)
[Алгъышла 1997: 288]

Бир къушум барды да,
къанат къакъмай учады.

(Самолёт)

Есть у меня орёл,
Который летает,
Не взмахивая крыльями.

(Самолёт)

(Подстр. пер. авт. статьи)
[Алиев 1984: 119]

5. *Природный круг* является по количественному составу одним из самых представительных и включает в себя загадки с вегетативными, анималистическими, ландшафтными, климатическими смысловыми компонентами. По этим загадкам юные натуралисты лучше узнают специфику родного края, повадки разных животных, богатство растительного мира.

Анасындан — гитче,
Атасындан — уллу.

(Къадыр)

Меньше, чем мать,
Больше, чем отец.

(Мул)

(Пер. Р. А.-К. Ортабаевой)
[Загадки народов 2011: 87]

В приведенной загадке зафиксирована генетическая особенность мула — гибридного животного от скрещивания осла и кобылицы.

Для сознания горца привычна концептуализация даже микроскопических предметов через объект «гора» — отсюда становится возможным его появление в таком неожиданном контексте при характеристике жука:

Бир къара кишичик
таудан ауб барады.
(Къамыжакъ)

Чёрный мужичок
переваливает через гору.
(Жук)
(Пер. Р.А.-К. Ортабаевой)
[Загадки народов 2011: 94]

По нашему наблюдению, представители скотоводческих народов (к которым относятся балкарцы и карачаевцы), при концептуализации большинства артефактов прибегают к анималистическим образам. Вот как народный ум фактуру бусинок, их конфигурацию и двигательную функцию соотносит со стадом домашних животных:

Бир сюрюум барды да,
Джатсала да — бирге,
Къобсала да бирге,
(Мынчакъла)

Есть у меня стадо,
В котором все одновременно ложатся,
Все одновременно встают.
(Бусы)
(Пер. Р. А.-К. Ортабаевой)
[Загадки народов 2011: 99]

Особую ценность среди вегетативных загадок представляют загадки с философским содержанием, показывающие наглядный пример закона «отрицания отрицания»:

Аналары ёле тура,
балалары къоба тура.
(Картоф)

Мать находится в процессе
умирания, дети — в процессе роста.
(Картошка)
(Подстр. пер. авт. статьи).
[Алгъышла 1997: 290]

6. *Космогонический круг.* Как отмечают мифологи С. А. Токарев и Е. М. Мелетинский, «космос часто представляется в мифах живым великаном, из частей которого может быть создан мир, тотемические предки рисуются существами двойной — зооморфной и антропоморфной природы и с легкостью меняют свои обличья» [Токарев, Мелетинский 1991: 12]. Сказанное имеет прямое отношение к загадкам, где природно-космические силы персонифицируются, эмоционально приближаются к человеку, соотносятся с привычными существами и явлениями. К примеру, вот как концептуализируются в карачаево-балкарской загадке луна и звезды:

Бир ананы — минг баласы.
(Ай бла джулдузла)

У одной матери — тысяча детей.
(Луна и звезды)
(Пер. Р. А.-К. Ортабаевой)
[Загадки народов 2011: 92]

В загадках очень часто наблюдается наделение астрального, солярного, лунарного объекта атрибутивными признаками известных предметов из национальной кухни. Вот один из примеров:

Къабакъ башында — табакъ джау.
(Ай)

Над селом — тарелка с маслом.
(Луна)
(Пер. Р. А.-К. Ортабаевой)
[Загадки народов 2011: 107]

Как видим, здесь в основу загадки закладывается визуальное сходство лунного диска и тарелки с маслом по цветовым и геометрическим (круг) показателям.

Тау башында — джарты гырджын.
(Джарты ай)

Для характеристики «полумесяца» народная «астрономия» также безошибочно выбирает из кухонного мира соответствующий эквивалент:

Над горой — половина лепёшки.
(Полумесяц)
(Пер. Р. А.-К. Ортабаевой)
[Загадки народов 2011: 117]

Человек с развитым ассоциативным мышлением, отгадывая загадку, легко увидит сходство тумана с белой шерстью:

Четен толу джюнле,
Къолума алалмайма,
Билезик эталмайма.
(Тубан)

Полная корзина шерсти,
В руки взять не могу,
Кудели делать не могу.
(Туман)
(Пер. Р. А.-К. Ортабаевой)
[Загадки народов 2011: 121]

7. *Ментально-этический круг* загадок в карачаево-балкарском фольклоре занимает важное место. Он сформирован из иносказательных микротекстов, тематически связанных с такими абстрактными понятиями, как «ум», «знания», «честь» и др. В этих загадках обобщен социально-исторический опыт народа, стремящегося в дидактической форме передать подрастающему поколению представление о нормативах этического кодекса, а также культ знаний, потребность к получению качественного образования. Вот одна из загадок, в которой опоэтизирован человеческий разум:

Багъасына багъа жетмеген,
Ёмюрюнде сыйы кетмеген.
(Акъыл)

Ни одна цена к нему не применима,
Вовеки веков он почитаем.
(Ум)
(Подстр. пер. авт. статьи)
[Алгъышла 1997: 280]

При метафоризации такого понятия, как «знание», народная фантазия прибегает к вертикальным, асцензиональным образам «лестница» и «небеса», в которых содержится идея возвышения человека:

Дунияны бачхычы,
Кёклени ачхычы.
(Илму)

Лестница мироздания,
Ключ к небесам.
(Наука)
(Подстр. пер. авт. статьи)
[Алгъышла 1997: 287]

Разностороннюю, исчерпывающую, остроумную, но в то же время завуалированную характеристику в карачаево-балкарских загадках получают такие понятия, как «ученик», «учитель», «письмо», «книга». Стилистике просветительских загадок присущ в основном несколько высокопарный слог, подчеркивающий уважительное отношение людей к знаниям. Здесь же приведем одну из редких загадок о книге, стилистическую основу которой составляет саркастический юмор по отношению к невеждам:

Къалау-къалау тёшекле,
Аны билмеген — эшекле.
(Китапла)

Стопками-стопками матрасы,
Не угадавшие — ослы.
(Книги)
(Подстр. пер. авт. статьи)
[Алгъышла 1997: 287]

Рифма, содержащаяся в оригинале (*тёшекле-эшекле*) в визуальной и аудиальной форме служит идее четкого разграничения грамотных и безграмотных людей, сатирическому осмеянию неучей, сопоставимых с «ослами».

По нашему предположению, процесс формирования всего пласта карачаево-балкарских интеллектуальных загадок может быть отнесен к относительно позднему историческому периоду, а именно к эпохе Просвещения (XVII–XVIII вв.) с ее культом разума.

8. ***Микропоэтика.*** Согласно «Литературной энциклопедии терминов и понятий», микропоэтика предусматривает «обобщенное описание групп произведений одного жанра» [Литературная энциклопедия 2003: 787] с пристальным вниманием к их изобразительно-выразительным средствам. Исходя из этого, в данном небольшом разделе рассмотрим формально-экспрессивные особенности карачаево-балкарских загадок.

Начнем с того, что в структурном отношении вариативность национальной загадки простирается от одной лаконичной строки до рифмованных двустиший, четверостиший и даже семистиший. Большая их часть строится по принципу воспроизведения каких-то отдельных свойств зашифрованных объектов:

Башы — таракъ,
Къуйругъу — оракъ.
(Гугурукку)

Голова — гребешок,
Хвост — серп.
(Петух)
(Пер. Р. А.-К. Ортабаевой)
[Загадки народов 2011: 90]

Их немного, но есть случаи, когда загадка задается в обычной форме вопросительного предложения.

Алтындан багъалы не затды?
(Акъыл)

Что дороже золота?
(Ум)
(Пер. Р. А.-К. Ортабаевой)
[Загадки народов 2011: 86]

Очень многие загадки имеют сказовую манеру повествования, то есть начинаются с присказок: *Бир къызым барды да…* ‘Есть у меня дочь…’, *Бир атым барды да …* ‘Есть у меня конь…’. Например:

Бир къызым барды да,
Халкъны кийиндиреди да,
Кеси къымыжалай къалады.
(Ийне)

Есть у меня дочь,
Всех одевает,
А сама остаётся голой (без одежды).
(Иголка)
(Пер. Р. А.-К. Ортабаевой)
[Загадки народов 2011: 98]

Бир атым барды да,
Чапса — жерни
къыртышин къобарады.
(Сюрме)

Есть у меня конь,
Если бежит, то сдирает
покров земли.
(Рубанок)
(Подстр. пер. авт. статьи)
[Алгъышла 1997: 288]

Думается, такие повествовательные формы загадки являются интертекстуальной отсылкой к сказкам, своеобразной стилизацией или рудиментарным фрагментом народной сказки.

Къуйрукълу Наурусхан
къазандагъын тауусхан.
(Чолпу)

Хвостатая Наурусхан
Опорожнила весь казан.
(Половник)
(Подстр. пер. авт. статьи)
[Алгъышла 1997: 292]

Ичмесенг — Ануар,
Ичсенг — жаныуар.
(Аракъы)

Не пьешь — Ануар,
Напьешься — животное.
(Водка)
(Подстр. пер. авт. статьи)
[Алгъышла 1997: 280]

Еще одним интересным композиционным приемом в карачаево-балкарских загадках является использование собственных имен, придающих микротексту нарративный характер:

По нашему наблюдению, в загадочный комплекс включаются только звучные, рельефные имена, легко рифмующиеся с ключевым словом фольклорного иносказательного текста.

Большая часть карачаево-балкарских загадок носит рифмованный характер. Рифмы, как правило, подбираются максимально точные для облегчения запоминания загадки: *тала – бала*, *ашы – башы*, *акъ – жаншакъ*, *боюнлу – къоюнлу*, *эшикде – тешикде*. Нередки случаи, когда используется и внутренняя рифма.

Аллитерация — еще один художественный прием, который продуктивно используется в карачаево-балкарских загадках. Приведем пример, где согласный звук «б» служит «орнаментальным приемом выделения и скрепления важнейших слов» [Литературная энциклопедия 2003: 27]:

Балтадан ауур,
Балдан татлы,
Бауурдан къаты,
Базарда сатылмагъан,
Къолда тутулмагъан.
(Жукъу)

Тяжелее топора,
Слаще меда,
Жестче печени,
На базаре не продается,
В руки не дается.
(Сон)
(Подстр. пер. авт. статьи)
[Алгъышла 1997: 283]

Очень часто для демонстрации бинарного устроения мира в загадках используется антитеза, противопоставляющая белое и черное, сухое и мокрое, съедобное и несъедобное, высокое и низкое, большое и маленькое, длинное и короткое. Приведем один пример, где антитеза служит системообразующим приемом:

Бир аягъы — узун,
Бир аягъы — къысха.
(Сагъат)

Одна нога — длинная,
Другая нога — короткая.
(Часы)
(Пер. Р. А.-К. Ортабаевой)
[Загадки народов 2011: 92]

Такова общая характеристика карачаево-балкарской загадки, происхождение и функционирование которой вызвано интенцией старшего поколения транслировать потомкам весь накопленный интеллектуальный и духовный опыт.

Выводы

Поэтика карачаево-балкарской загадки, наряду с сохранением универсальных жанровых форм, отличается ярко выраженной вариативностью. Историко-культурной предпосылкой зарождения жанра загадок в национальном фольклоре стала древнейшая практика северокавказских горцев *джаз тил* — использование табуированного языка-оберега от воздействия враждебных человеку сил.

Системный анализ карачаево-балкарских загадок позволил провести классификацию и выделить пять тематических кругов, расположенных в следующем порядке по количественному критерию убывания: антропоцентрический, этнокультурный, природный, космогонический, духовно-этический. Судя по предметному миру (артефактам) загадок, прослеживается эволюционное развитие изучаемого жанра от архаичных времён до конца XX столетия.

Структурно-композиционное построение карачаево-балкарской загадки отличается широким вариативным спектром: формула одного вопросительного предложения, рифмованные двустишия, одна развернутая метафора, полистишия, сказовые модели, амебейные параллели, бинарные оппозиции.

Поэтологическую сторону изученных загадок определяет богатство экспрессивных средств в виде ярких метафор, эпитетов, антитез, аллитераций, интертекстем, иронично обыгрываемых имен собственных. Карачаево-балкарские загадки обладают выраженным воспитательным потенциалом и являются составной частью народной педагогики.

Полевые материалы автора

ПМА 2018 — Инф. Д. Тебуев (1930 г. р.), записано в ИГИ КБНЦ РАН (г. Нальчик), 2018 г.

Литература

Алгъышла 1997 — Алгъышла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле… (Пожелания, легенды о нартах, сказки, песни, загадки…). Хрестоматия по карачаево-балкарскому фольклору. На балкарском языке / сост.: Биттирова Т. М., Габаева А. Б. Нальчик: Эльбрус, 1997. 344 с.

Алиев 1984 — *Алиев С. Ч.* Къарачай халкъны эл берген джомакълары (= Карачаевские народные загадки). Черкесск: Ставропольск. кн. изд-во (Карачаево-Черкесское отд.), 1984. 216 с.

Аникин, Круглов 1983 — *Аникин В. П., Круглов Ю. Г.* Русское народное поэтическое творчество: пособ. для студентов нац. отдний пед. ин-тов. Л.: Просвещение, 1983. 416 с.

Мифы, легенды 2017 — Мифы, легенды и предания калмыков. М.: Наука; Вост. лит., 2017. 367 с.

Гачев 2003 — *Гачев Г. Д.* Ментальности народов мира. Сходства и отличия. М.: Эксмо, 2003. 544 с.

Джуртубаев 1991 — *Джуртубаев М. Ч.* Древние верования балкарцев и карачаевцев: Краткий очерк. Нальчик: Эльбрус, 1991. 256 с.

Sources

Informant: D. Tebuev, b. 1930. Rec. at Humanities Research Institute (Kabardino-Balkarian Scientific Center of the RAS; Nalchik, Russian Federation) in 2018. (In Russ.)

Загадки народов 2011 — Загадки народов Карачаево-Черкесии: Оригиналы и переводы на русский язык. Составители и переводчики Р. А.-К. Ортабаева, А. И. Сикалиев, Х. С. Братов, О. А. Гудимова, Л. А. Бороко-ва / под общ. ред. А. В. Шишкановой. Черкесск: РГБУ КЧИГИ 2011. 310 с.

Караева 1966 — *Караева А. И.* Очерк истории карачаевской литературы. М.: Наука, 1966. 320 с.

Карачаево-балкарский фольклор 1983 — Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях / сост., вступ. ст. и коммент. А. И. Алиевой. Нальчик: Эльбрус, 1983. 432 с.

Къарачай-малкъар фольклор 1996 — Къарачай-малкъар фольклор (= Карачаево-балкарский фольклор). Хрестоматия / сост., авт. вступ. ст. Т. М. Хаджиева. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 592 с.

Къарачай-малкъар ойберле 2010 — Къарачай-малкъар ойберле бла элберле (= Карачаево-балкарские притчи и загадки) / сост. М. М. Ольмезов; пер. с кар.-балк. Х. Ч. Джуртубаева. Нальчик: Эльбрус, 2010. 456 с.

Литературная энциклопедия 2003 — Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 стб.

Материалы 1962 — Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1962. 200 с.

Мелетинский 1995 — *Мелетинский Е. М.* Малые жанры фольклора и проблемы жанровой эволюции в устной традиции // Малые формы фольклора: Сборник статей памяти Г. Л. Пермякова. М.: Наука, ГРВЛ, 1995. С. 325–337.

Очерки истории 1981 — Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1981. 400 с.

Селеева 2014 — *Селеева Ц. Б.* Вариативность калмыцких народных загадок // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 3. С. 151–156.

Токарев, Мелетинский 1991 — *Токарев С. А., Мелетинский Е. М.* Мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1991. Т. 1. А-К. С. 11–20.

Топоров 1994 — *Топоров В. Н.* Из наблюдений над загадкой // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. М.: Индрик, 1994. С. 10–117.

Фрэзер 1980 — *Фрэзер Джеймс Джордж.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1980. 831 с.

Цивьян 1994 — *Цивьян Т. В.* Отгадка в загадке: разгадка загадки? // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. М.: Индрик, 1994. С. 178–194.

References

Aliev S. Ch. Karachay Folk Riddles. Cherkessk: Stavropol Book Publ. (Karachay-Cherkess Dept.), 1984. 216 p. (In Kar.)

Alieva A. I. (comp., foreword, etc.) Karachay-Balkar Folklore: Records and Publications of the Pre-Revolutionary Era. Nalchik: Elbrus, 1983. 432 p. (In Russ.)

Alieva S. U. (ed.) Balkar Literature: Historical Essays. Nalchik: Elbrus, 1981. 400 p. (In Russ.)

Anikin V. P., Kruglov Yu. G. Russian Folk Poetry. Leningrad: Prosveshchenie, 1983. 416 p. (In Russ.)

Bittirova T. M., Gabaeva A. B. (comps.) A Chrestomathy of Karachay-Balkar Folklore: Well-Wishing Texts, Nart Legends, Folktales, Songs, Riddles. Nalchik: Elbrus, 1997. 344 p. (In Balk.)

Boziev A. (ed.) Balkar Dialectology, Vocabulary and Folklore Studies: Materials and Studies. Nalchik: Kabardino-Balkaria Book Publ., 1962. 200 p. (In Russ.)

Burykin A. A. et al. (eds.) Kalmyk Myths, Legends and Tales. Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 2017. 367 p. (In Kalm. and Russ.)

Dzhurtubaev M. Ch. Ancient Beliefs of the Karachay-Balkar People: A Brief Review. Nalchik: Elbrus, 1991. 256 p. (In Russ.)

Frazer J. G. The Golden Bough: A Study in Magic and Religion. Moscow: Politizdat, 1980. 831 p. (In Russ.)

Gachev G. D. Mentalities of the World: Similarities and Differences. Moscow: Eksmo, 2003. 544 p. (In Russ.)

Karaeva A. I. Karachay Literature: A Historical Essay. Moscow: Nauka, 1966. 320 p. (In Russ.)

Khadzhieva T. M. (comp., foreword) Karachay-Balkar Folklore: Chrestomathy. Nalchik: El-Fa, 1996. 592 p. (In Balk.)

Meletinsky E. M. Minor folklore genres and issues of genre evolution in oral tradition. In: Minor Folklore Genres. Collected articles dedicated to G. Permyakov. Moscow: Nauka — GRVL, 1995. Pp. 325–337. (In Russ.)

Nikolyukin A. N. (ed.) Encyclopedia of Literary Terms and Definitions. Institute of Scientific Information for Social Sciences (RAS). Moscow: Intelvak, 2003. 1600 clm. (In Russ.)

Olmezov M. M. (comp.) Karachay-Balkar Tales and Riddles. Kh. Dzhurtubaev (transl.). Nalchik: Elbrus, 2010. 456 p. (In Balk. and Russ.)

Seleeva Ts. B. Variability of the Kalmyk folk riddles. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS* (*Oriental Studies – Elista*). 2014. No. 3. Pp. 151–156. (In Russ.)

Shishkanova A. V. (ed.), Ortabaeva R. A.-K. et al. (comps.) Riddles of Peoples Inhabiting Karachay-Cherkessia: Original Texts and Russian Translations. Ortabaeva R. A.-K. et al. (transl.). Cherkessk: Karachay-Cherkess Humanities Research Institute, 2011. 310 p. (In Russ., Kar., Cherk.)

Tokarev S. A., Meletinsky E. M. Mythology. In: Tokarev S. A. (ed.) Myths of the World: Encyclopedia. In 2 vols. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1991. Vol. 1: A-K. Pp. 11–20. (In Russ.)

Toporov V. N. Some observations over riddles. In: Exploring Balto-Slavic Spiritual Culture. Riddle as Text. Moscow: Indrik, 1994. Pp. 10–117. (In Russ.)

Tsivyan T. V. Answer in a riddle: answer to the riddle? In: Exploring Balto-Slavic Spiritual Culture. Riddle as Text. Moscow: Indrik, 1994. Pp. 178–194. (In Russ.)